

П.П. Блонский

Философия Плотина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П.П. Блонский**
Философия Плотина / П.П. Блонский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 374 с.

ISBN 978-5-517-90581-9

ISBN 978-5-517-90581-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если основнымъ признакомъ совершенства научной работы является исчерпывающее изложеніе, то моя работа, безусловно, далека отъ совершенства. Мнѣ приходилось слишкомъ много тратить на то, чтобы дѣлать „неудобочитаемаго“ Плотина яснымъ, и къ этой черновой работѣ присоединялась иная, также черновая работа — устранять многочисленные прежнія затрудняющія пониманіе Плотина реконструкціи его. Поэтому моя работа слишкомъ часто была работой чернорабочаго, лишь сносящаго старыя постройки и успѣвающаго только расчищать мѣсто для возведенія новой постройки. Это новое, уже совершенное построеніе, по моему убѣжденію, дѣло не близкаго будущаго, и одна изъ задачъ моей работы—убѣдить, что мы не въ концѣ, а въ началѣ изученія Плотина.

Если бы моя работа уничтожила хотя часть обычныхъ легендъ о Плотинѣ, я считалъ бы себя достигшимъ многого. Однако, я все же хотѣлъ бы дать читателю и положительное представленіе объ исключительной философской гениальности „подлиннаго“ Плотина. Я хотѣлъ бы убѣдить читателя въ поразительномъ богатствѣ философскаго наслѣдства Плотина: невозможенъ историкъ философіи безъ детальнаго знанія Плотина; нѣтъ философа безъ рефлексіи надъ мыслями Плотина! Въ моей книгѣ, навѣрное, есть слишкомъ много спорнаго. Но я не очень боялся спорнаго. Наболѣе всего я боялся неплодотворнаго.

То обстоятельство, что я не буду свою работу защищать въ качествѣ диссертациі въ Москвѣ, дастъ мнѣ независимость и свободу въ принесеніи благодарности проф. Г. И. Челпанову. Я считаю счастьемъ для своего философскаго развитія, что учился философіи въ его школѣ. Вторая моя благодарность—моему старшему товарищу Г. Г. Шпету, безъ чьей помощи и содѣйствія эта книга не увидала бы свѣта.

Посвятить эту книгу я считаю должнымъ своей бабушкѣ А. В. Донъ-Алонзо, почившей уже 17 лѣтъ назадъ, но вѣчно живой въ моихъ воспоминаніяхъ. Именно ей я считаю себя обязаннымъ основой всего хорошаго, что только можетъ быть во мнѣ, и именно ея образъ до послѣднихъ дней моихъ будетъ наболѣе сильнымъ и отраднымъ вдохновителемъ моего лучшаго „я“.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Prolegomena 1—44.

I. Эллинскій философъ и его основная проблема 3—10 (1. Эллинскій философъ 3—6; 2. Его основная тема 6—8; 3. Его методъ 8—9; 4. Ошибки традиціонной исторіи философіи 9—10).

II. Платонизмъ въ эллинистической философіи 11—19 (1. Эллинистическій философъ 11—12; 2. Академія 12—14; 3. Посидоній и Филонъ 14—16; 4. Эволюція пифагореизма 17—19).

III. Платонизмъ II в. по Р. Х. 20—27 (1. Школа Гая и полемика съ стоицизмомъ 20—21; 2. Нуменій 22—23; 3. Аммоній 23—25; 4. Оригенъ, гностики и рационализмъ платониковъ 25—27).

IV. Личность Плотина 28—36 (1. Александрійскій періодъ 28—29; 2. Римскій періодъ 29—32; 3. Психологическая характеристика 32—36).

V. Сочиненія Плотина 37—44 (1. Изданіе Порфирія 37—38; 2. Апологія плана Порфирія 38—40; 3. Апологія текста 40—43; 4. Методъ изслѣдованія 43—44).

II. Analysis 45—256.

I. Дофилософская основа міросозерцанія Плотина 47—56 (1. Трансцендентальное чувство и интуиція 47—48; 2. Образы философіи Плотина 48—52; 3. Эротика Плотина 52—53; 4. Дофилософская основа философіи Плотина 53—54; 5. Отношеніе ея къ философскому творчеству 54—56).

II. Назначеніе человека 57—91 (1. Антропология Плотина 57—59; 2. Ученіе о добродѣтеляхъ 59—62; 3. Пути восхожденія 62—64; 4. ~~Ученіе о красивомъ~~ 64—67; 5. Счастье 67—71; 6. Добро и зло 71—74; 7. Платонъ, какъ источникъ морали Плотина 74—79; 8. Мораль Плотина, стоицизмъ и христіанство 79—82; 9. Плотинъ и этика Аристотеля 82—87; 10. Философское значеніе морали Плотина 87—91).

III. Матеріальний міръ 92—120 (1. Матерія 92—95; 2. Историческая позиція ученія Плотина о матеріи 95—100; 3. Историко-философское вліяніе ученія Пл. о матеріи 100—102; 4. Матерія, какъ вѣчно потенціальное, но не потенція 102—104; 5. Историко-философское значеніе реформы Пл. въ ученіи Ар. 104—106; 6. Тѣло 106—107; 7. Мѣсто ученіе о матеріи въ философіи Плотина 107—108; 8. Космосъ 108—110; 9. Круговращеніе неба 110—111; 10. Вліяніе небеснаго міра на земной 111—113; 11. Критика гностической космогоніи 113—117; 12. Критика гностической морали 117—120).

IV. Природа 121—145 (1. Ученіе о причинности 120—123; 2. Промысль 123—127; 3. Плотинъ, Филонъ и христіанская телеологія 127—129; 4. Плотинъ и стоицизмъ 129—132; 5. Телеологія Плотина, Лейбница, Канта и Спинозы 132—134; 6. Демонологія Плотина 134—136; 7. Ученіе Плотина о времени 136—138; 8. Ученіе о «Природѣ» и его мѣсто въ исторіи философіи 138—145).

V. Душа 146—178 (1. Цѣльность души 146—147; 2. Индивидуальныя души и Душа 147—149; 3. Индивидуализація души 149—151; 4. Критика матеріализма 151—155; 5. Критика пифагорейцевъ и Ар. 155—157; 6. Безсмертіе души 157—158; 7. Душа звѣздъ, земли и вселенной 158—159; 8. Аффекты, желанія и страсти 159—163; 9. Ощущеніе 163—165; 10. Критика теоріи впечатлѣній и ученіе о памяти 165—167; 11. Психологія Пл. и поздніе платоніки 168—173; 12. Мѣсто психологіи Плотина въ исторіи психологіи 173—176; 13. Значеніе психологіи Плотина 176—178).

VI. Умъ 179—226 (1. Отношеніе между психологіей и ноологіей 179—181; 2. Душа и умъ 181—183; 3. Три субстанціи 183—184; 4. Взаимоотношеніе между ними 184—186; 5. «Путь впередъ» 186—187; 6. Самопознаніе души 187—189; 7. Самопознаніе ума. 189—190; 8. Данныя самопознанія ума 190—192; 9. Индукція, какъ методъ Плотина 192—193; 10. Мнимыя «повторенія» у Плотина 193—195; 11. Умъ и красота 198—202; 13. Отношеніе между умомъ, видами и предметами 202—205; 14. Эволюція творчества Плотина 205—207; 15. Плотинъ, эллинская философія и Платонъ 207—211; 16. Плотинъ, Филонъ и поздній платонизмъ 211—214; 17. Философская оригинальность Плотина 214—215. 18. Историко-философскія основы философіи Плотина 215—219; 19. Генезисъ ученія Плотина о видахъ 219—222; 20. Генезисъ и значеніе ученія о красотѣ 222—224; 21. Историческій анализъ V 5 и 3 224—226).

VII. Единое и конкретно-множественный міръ 227—256 (1. Критика уч. о категоріяхъ Ар. и-стойковъ 227—230; 2. Роды сущаго 230—233; 3. Роды чувственнаго 233—237; 4. Единство чувственнаго

міра 237 — 239; 5. Единство умственного міра 239 — 241; 6. Ученіе числахъ 241—244; 7. Чувственное и умственное, множественное и единое 244 — 247; 8. Индивидуальное и единое, свобода воли 247—250; 9. Абсолютъ 250 — 251; 10. Историко-философская позиція генологіи Плотина 251—254; 11. Хронологическая связь шестой Девятки съ остальными 254—255).

III. Summa 257—312.

I. Платиновъ вопросъ 259 — 274 (1. Представленіе о Плотинѣ до конца XVIII в. 259—262; 2. Плотинъ въ концѣ XVIII в. 262—264; 3. Плотинъ въ началѣ XIX в. 264—265; 4. Тридцатые годы 265—268; 5. Эпоха большихъ работъ 268 — 271; 6. Новыя работы о Плотинѣ 271—274).

II. Подлинный Плотинъ 275 — 296 (1. Методъ изслѣдованія 275—279; 2. Міросозерцаніе Плотина въ системѣ 279—283; 3. Хронологическій методъ 283 — 285; 4. Сравнительно-генетическій методъ 285—286; 5. Плотинъ и Платонъ 286—288; 6. Плотинъ и пифагорейцы 288—291; 7. Плотинъ и Аристотель 291—292; 8. Плотинъ и стоицизмъ 292—293; 9. Плотинъ, эпикурейцы, скептики и Филонъ 294; 10. Плотинъ и поздніе платоники 294—296).

III. Вліянія Плотина 297 — 308 (1. Плотинъ и неоплатоники 297—298; 2. Плотинъ и христіанство 298—300; 3. Плотинъ и раннее Средневѣковье 300—302; 4. Плотинъ и азіатская философія 302—303; 5. Плотинъ и позднее Средневѣковье 303 — 304; 6. Плотинъ и новая философія 304—308).

IV. Общіе выводы 309—312 (1. Единство эллинской философіи 309 — 310; 2. Единство всеобщей философіи 310 — 311; 3. Предметъ исторіи философіи 311; 4. Философія и значеніе для нея Плотина 311—312).

IV. Annotationes 313—367.

A. Prolegomena 315 — 335; B. Analysis 336 — 369; C. Summa 362 — 367.

I. Prolegomena.

1. Эллинскій философъ и его основная проблема.

Философія Плотина — послѣднее значительное слово античной философіи, окончательный и, слѣдовательно, рѣшающій отвѣтъ на ея вопросы. Для того, чтобы понять философію Плотина, надо, поэтому, раньше выяснить, кѣмъ былъ эллинскій философъ, что являлось его основной проблемой и какъ онъ ее рѣшалъ.

1. Для этого всмотримся сперва въ пеструю толпу раннихъ эллинскихъ философовъ. Единство ихъ основного философскаго настроенія сразу бросается въ глаза: вотъ Гераклитъ съ его безконечно глубокимъ презрѣніемъ къ людямъ-дѣтямъ и съ столь же глубокимъ сознаниемъ величія божества; вотъ Парменидъ, чей путь внѣ тропы людской, чутко внемлющій словамъ богини о томъ, что едино, вѣчно неизмѣнно и абсолютно противоположно тлѣнному міру и смертнымъ мнѣніямъ; вотъ аскеты-пифагорейцы, очищающіе свою душу отъ земной скверны посредствомъ созерцанія божественныхъ вещей; вотъ Эмпедоклъ, изгнанникъ боговъ и скиталецъ, плачущій и рыдающій, что пришелъ въ безотрадную страну, гдѣ убійство, злоба и толпы прочихъ бѣдъ, противопоставляющій свидѣтельства богини-музы бреднямъ смертныхъ дѣтей и однодневокъ; вотъ Анаксагоръ, видѣвшій цѣльность жизни въ созерцаніи неба и мірового порядка и называющій небо своею отчизною. Даже «матеріалистъ» Демокритъ зоветъ къ подчиненію чувственности разуму, т. - е. чистой божественной субстанціи изъ самыхъ совершенныхъ атомовъ, пребывающей въ груди человѣка; даже среди софистовъ, скорѣе представителей риторикъ, нежели философіи, мы встрѣчаемъ Продика, учившаго, что жизнь полна зла, и Антифона, для котораго жизнь ничтожна, плоха, кратковременна и смѣшана съ великими скорбями. А у самаго начала эллинской философіи стоитъ неясная фигура перваго теоретика Фалеса, смѣяннаго, какъ говоритъ легенда, еракліянкой за то, что, заглядѣвшись на небо, упалъ въ колодезь, и самый ранній изъ дошедшихъ до насъ античныхъ философскихъ фрагментовъ, фрагментъ Анаксимандра, трагически вѣ-

разно надобности: воздаютъ вѣдь онѣ правосудіе и возмездіе другъ другу за неправду сообразно порядку времени».

Стоя передъ судомъ, Сократъ, этотъ античный философъ *par excellence*, говоритъ: «я люблю васъ, господа аѳиняне, но повиноваться буду больше богу, нежели вамъ, и покуда дышу и въ силахъ, отнюдь не перестану философствовать.... Знайте, такъ велитъ богъ, и я думаю, что никогда у васъ не было большаго блага въ городѣ, чѣмъ мое служеніе богу: вѣдь я брожу, ничего иного не дѣлая, какъ убѣждая васъ, и молодыхъ, и старыхъ, ни о тѣлѣ, ни о деньгахъ не заботиться ни раньше, ни столь же сильно, какъ о душѣ, какъ бы возможно лучшей была она». И слова Сократа, слова о философій, какъ служеніи богу и заботѣ о душѣ, лягутъ въ основу представленія о философѣ у Платона¹⁾.

Для Платона философъ — человѣкъ, живущій особой жизнью, исцѣляющей душу и возрождающей общество. Философій надлежитъ, поэтому, посвятить весь свой вѣкъ. Самая душа философа — особенная душа: еще до рожденія тамъ, въ занебесномъ мѣстѣ, она больше другихъ душъ созерцала истинную дѣйствительность; вотъ почему въ ней скорѣе, нежели въ нихъ, оживаетъ воспоминаніе о томъ мірѣ, когда она въ земной жизни встрѣчается съ самымъ чистымъ лучомъ изъ идеальнаго міра — красотой. Страсть къ прекрасному является для души возрождающей силой и залогомъ безсмертія, такъ какъ стремленіе рождать приобщаетъ смертныхъ къ безсмертію, но движущая сила стремленія рождать — страсть, любовь къ прекрасному. Это стремленіе проявляется у животныхъ въ рожденіи тѣлесномъ, честолюбивый политикъ жаждетъ родить безсмертную славу въ прекрасныхъ дѣяніяхъ, но самое высшее — рождать истину въ нетлѣнной философій. Поэтому и высшая стадія страсти — созерцаніе абсолютной красоты, ясной, чистой, безсмертной. Кто достигъ этого, тотъ живетъ истинной жизнью и больше всѣхъ другихъ угоденъ богу. Вся земная жизнь философа — вдохновенная богами для величайшаго счастья манія, осмѣиваемая неразумной чернью; это — возрожденіе въ красотѣ и любви, жизнь истинно безсмертной души.

Философъ Платона — человѣкъ, любящій истину и обладающій истиннымъ познаніемъ, созерцающій абсолютную красоту въ ея цѣльности и единствѣ, вѣчное и неизмѣнное единое сущее. Такой человѣкъ презираетъ тѣлесныя наслажденія, умѣренъ, свободенъ отъ жадности, великодушенъ, мужественъ, справедливъ и благороденъ. Онъ способенъ къ участію, имѣетъ хорошую память, благопристоенъ, скромненъ и воспитанъ. Онъ не желаетъ промѣнять свѣтъ своей прозрѣвающей жизни на тьму практической дѣятельности и потому чуждается по-

слѣдней. Лишь въ идеальномъ государствѣ онъ — правитель. Вѣнецъ его земной жизни — жизнь созерцательная, а загробный удѣлъ — вѣчное блаженство. Таковъ истинный философъ. Жизнь его противоположна жизни политическаго дѣятеля. Послѣдній — рабъ: такъ, напримѣръ, судебный ораторъ связанъ временемъ и темой и долженъ всячески заискивать передъ присяжными. Философъ же пользуется полной свободой: его прообразъ — Одиссей, заглядѣвшійся на звѣзды, и лишь тѣломъ онъ въ государствѣ. Правда, онъ безпомощенъ въ обыденной жизни, но за то знаетъ настоящую жизнь — бѣгство изъ тлѣннаго міра и уподобленіе богу, состоящее въ томъ, что человѣкъ становится справедливымъ и внутренне благочестивымъ. Да, философія — бѣгство изъ смертнаго міра и стремленіе къ безсмертію. Высшее благо — созерцаніе вѣчнаго міра, и такъ какъ этому мѣшаетъ тѣло, то избавленіе отъ тѣла, физическая смерть — шагъ впередъ къ этому созерцанію. Истинный философъ желаетъ умереть. Философствовать значитъ желать умереть, и истинное познаніе возможно только послѣ смерти: наши органы чувствъ не даютъ истиннаго знанія, болѣзни тѣла препятствуютъ достиженію его, и оно открывается лишь освобожденной отъ тѣла душѣ. Истинныя добродѣтели — такія, которыя возникаютъ изъ стремленія освободиться отъ тѣла; онѣ — очищенія души. Заключенная въ тѣло, словно въ темницу, философская душа распознаетъ обманы чувственности и вѣритъ только чистому мышленію, которое ведетъ ее къ истинному и вѣчному, дабы въ смерти посредствомъ созерцанія вѣчнаго душа пріобщилась къ вѣчному. Чисто безтѣлесная вѣчная жизнь — посмертная жизнь философа²⁾.

Апоэеозъ созерцательной жизни даетъ Аристотель. Въ то время, какъ грубая чернь гонится за наслажденіемъ, а политикъ — за почестями, философъ — созерцатель, живущій самой блаженной и божественной жизнью — жизнью чистаго разума. Изъ всѣхъ наукъ на первомъ планѣ должны стоять науки умозрительныя, особенно та изъ нихъ, предметъ которой — вѣчное, неподвижное, отдѣленное отъ чувственнаго міра. Это — первая философія, философія въ собственномъ смыслѣ этого слова, иными словами, богословіе (theologike), такъ какъ предметъ ея — божественное. Умозрительная, т. - е. метафизическая или богословская философія, — самое божественное и самое цѣнное. Преимущества созерцательной жизни велики и многочисленны: 1) въ ней проявляется лучшая часть нашей души — разумъ, и направлена она на самые важные предметы; 2) она, въ противоположность практической жизни, длится непрерывно; 3) она даетъ наивысшее наслажденіе; 4) она даетъ максимальную самостоятельность, такъ какъ мудрецъ можетъ предаваться созерцанію самъ одинъ, безъ друзей; 5) къ ней стремятся

ради ея самой, а не ради связанныхъ съ ней выгодъ; 6) она лишена тревоженій и даетъ вѣчный покой; 7) она, какъ жизнь чистаго разума, божественна въ сравненіи съ обычной жизнью человѣка, и въ ней находитъ удовлетвореніе стремленіе человѣка къ безсмертію.

Осужденіе земной жизни и безпрестанная тяга къ божественному — тема ранней греческой философіи; служеніе только богу въ заботѣ о вѣчной жизни души — заповѣдь Сократа Платону; умозрѣніе божественнаго, какъ самое цѣнное въ жизни — вѣнецъ философіи Аристотеля, завершеніе его этики и метафизики. Итакъ, цѣль эллинскаго философа можетъ быть прекрасно формулирована словами Евдема, ученика Аристотеля, — служить богу и созерцать³⁾.

2. Мы слышали первый фрагментъ греческой философіи: неизбежная гибель всѣхъ вещей за творимую ими неправду — его основная мысль. Для Анаксимандра нашъ тлѣнный міръ проникнуть борьбой противоположныхъ стихій, и отъ этого тлѣннаго міра философъ обращается къ безсмертной и нетлѣнной, а потому божественной, безпредѣльности. Точно также и для Гераклита міръ нашъ — міръ борьбы противоположныхъ стихій, но, въ основѣ своей, все — божественный вѣчно-живой огонь. Антитетично и міросозерцаніе Парменида: съ одной стороны, вѣщаемое богиней сущее, съ другой — смертный міръ контрастовъ свѣта и тьмы. Итакъ, двѣ мысли характеризуютъ раннихъ эллинскихъ философовъ: смертный міръ борьбы противоположностей и безсмертное единое начало. Антитетика и унитаризмъ — вотъ ихъ философія. Даже пифагорейцы, которыхъ обычно принято считать только дуалистами, учатъ все о томъ же: они выводятъ все существующее изъ двухъ началъ — предѣла и безпредѣльнаго, но лишь предѣлъ является для нихъ положительнымъ и активнымъ началомъ, обуславливающимъ возможность бытія отдѣльныхъ вещей и познанія ихъ; вотъ почему и Аристотель безъ всякаго колебанія отождествляетъ предѣлъ съ единымъ. И все тотъ же мотивъ о возникновеніи тлѣннаго міра множественности изъ единаго и возвратѣ его вновь къ единому явится основной темой философіи Эмпедокла. Наконецъ, и Анаксагоръ повѣдаетъ намъ объ устрояющемъ міръ множественности и правящемъ имъ божественномъ умѣ. Итакъ, тема ранней эллинской философіи — вѣчное божественное единое и тлѣнный міръ множественности и антитетичности; рѣзкая грань ляжетъ между этими двумя мірами, рѣзкая, но, все же, не окончательная, поскольку единое рождаетъ множественное и правитъ имъ: она будетъ все время колебаться, доходя до максимума у Зенона, до минимума у Демокрита⁴⁾.

Вся философія Платона — непрестанное восхожденіе къ безусловному началу. Оно, единое и сущее благо, — источникъ бытія и жизни,